Кай Уилкинсон
Университет Дикина, Австралия

«Традиционные ценности» на практике: возникновение и оспаривание законов о «пропаганде гомосексуализма» в России

В настоящей статье я рассматриваю, каким образом российское правительство применяет концепцию «традиционных ценностей», дабы опровергнуть заявление, что «права ЛГБТ являются правами человека», и обосновать принятие законов против «пропаганды гомосексуализма», а также как представители российского ЛГБТ-сообщества пытаются бороться с этим. Основная цель статьи — проследить развитие дискурса, опровергающего эссенциализацию сексуальной идентичности и таким образом бросающего вызов тому, что современные нормы в области прав человека фокусируются на личных правах, основанных на идентичности.

В результате данного дискурсивного сдвига противникам упомянутого выше законодательства приходится разрабатывать стратегии борьбы, в рамках которых проводятся коллективные попытки предоставить альтернативную интерпретацию «традиционных ценностей». Статья заканчивается рассмотрением значения случая России для норм в области прав человека и в широком смысле в контексте универсальных прав человека. Я утверждаю, что он бросает серьезный вызов валидности заявлений о правах ЛГБТ, основанных на идентичности, по причине их гомонормативности.

Кай Уилкинсон — PhD in Area Studies/Critical Security Studies, доцент международных отношений в Университете Дикина (Австралия). В настоящий момент работает над проектами о правах ЛГБТ и «традиционных ценностях» в постсоветском пространстве. Научные интересы: общественная безопасность и секьюритизация в бывшем СССР. E-mail: cai.wilkinson@deakin.edu.au
Cai Wilkinson — PhD in Area Studies/Critical Security Studies, associate professor of international relations at Deakin University (Australia). At the moment, she works on projects dedicated to rights of LGBT people and “traditional values” in post-Soviet space. Research interests: public safety and securitization in former USSR. E-mail: cai.wilkinson@deakin.edu.au

Авторизированный перевод с английского выполнен Анной Кадниковой по изданию: Cai Wilkinson (2014) Putting «Traditional Values” Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia. *Journal of Human Rights,* 13 (3): 363-379. Мы благодарим издательский дом Taylor and Francis Group и лично Мери Энн Мюллер, а также автора статьи за предоставленные права на перевод.

Cai Wilkinson, Deakin University, Australia
Putting "Traditional Values" Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia

This article explores how "traditional values" are being used by the Russian government to refute the claim that "LGBT rights are human rights" and justify the introduction of anti-homopropaganda laws, and how members of the Russian LGBT community have sought to contest it. Centrally, it traces the development of a discourse that refutes the essentialization of sexual identity and, in doing so, seeks to challenge the focus on individual identity-based rights of contemporary human rights norms. This discursive shift has meant that opponents of the legislation have had to develop contestation strategies that collectively seek to present an alternative interpretation of "traditional values." The article concludes by considering the implications of the Russian case for human rights norms and for the notion of universal human rights more widely, arguing that it represents a serious challenge to the viability of identity-based LGBT rights claims as a basis on which to advance observance of fundamental human rights due to their homonormativity.

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-175-204

Введение: Россия и «традиционные ценности» на домашней и международной аренах

В октябре 2009 г. Совет по правам человека ООН (UNHRC) принял решение, что Комиссар по правам человека ООН должен «провести в 2010 г. рабочее совещание, в рамках которого пройдет обмен мнениями о том, каким образом лучшее понимание традиционных ценностей человечества, лежащих в основе международных норм и стандартов в области прав человека, может внести вклад в поддержку и защиту прав и основных свобод человека» [UNHRC, 2009]. Эта резолюция была принята 26 голосами «за», в то время как 15 проголосовали «против», а 6 воздержались. Она обозначила формальное начало возглавляемой Россией кампании в Совете по правам человека о признании «традиционных ценностей» легитимным аспектом в процессе формирования и применения норм в области человеческих прав. Резолюцию приняли, несмотря на озвученные во время рабочего собрания опасения, что «термин «традиционные ценности» не имеет четкого определения или понимания, и потому является настолько расплывчатым и неопределенным, что его можно использовать для легитимизации нарушений прав человека», а также что «традиционные ценности» интерпретируются в слишком узком ключе как религиозные традиции [UNHRC, 2010].

Несмотря на относительно низкий уровень поддержки первой резолюции, Россия в период своего председательства в Совете ООН

по правам человека выступила инициатором еще двух резолюций под заголовком «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества»[1]. Вторая резолюция, принятая в апреле 2011 г. со сходным уровнем поддержки[2], утверждает, что «достоинство, свобода и ответственность — это традиционные ценности, разделяемые всем человечеством и воплощенные в универсальных договорах о правах человека», а также запрашивает проведение исследования о том, «как лучшее понимание и уважение традиционных ценностей может внести вклад в поощрение и защиту прав человека», результаты которого должны были быть представлены в Совете перед 21-й сессией [UNHRC, 2011]. Исследование, проведенное российским номинантом профессором Владимиром Карташкиным (UNHRC Advisory Committee, 2011), не удалось закончить вовремя к началу 21-й сессии, однако Россия продавила третью резолюцию, которая формально подтвердила легитимность традиционных ценностей в контексте защиты и поощрения прав человека[3]. Итак, резолюция утверждает, что

> «...более глубокое понимание и уважение традиционных ценностей, разделяемых всем человечеством и воплощенных в универсальных договорах о правах человека, способствуют поощрению и защите прав человека и основных свобод во всем мире; [...] традиционные ценности, особенно ценности, разделяемые всем человечеством, могут быть практически реализованы в поощрении и защите прав человека и уважении человеческой личности, в частности в процессе просветительской работы по правам человека» [UNHRC, 2012].

Помимо утверждения статуса традиционных ценностей относительно защиты и поощрения прав человека Резолюция 21/3 призвана поддержать повестку традиционных ценностей, сдвинув фокус на примеры того, каким образом концепция традиционных ценностей может применяться на практике. Резолюция требует, чтобы Офис Верховного комиссара ООН по правам человека собрал «информацию от государств-членов ООН других соответствующих заинтересованных сторон об оптимальных видах практики по реа-

1 Россия председательствовала в Совете ООН по правам человека с июня 2009 по декабрь 2012 г. Российская Федерация была переизбрана в Совет 12 ноября 2013 г. на следующий трехлетний срок, начавшийся 1 января 2014 г.

2 Резолюция была принята 24 голосами «за», 14 голосов «против», 7 воздержались.

3 Как и с двумя предыдущими резолюциями, голосование с результатами 25 голосов «за», 15 «против» и 7 воздержавшихся указывает на спорный характер проблемы по мнению членов Совета ООН по правам человека.

лизации традиционных ценностей при поощрении и защите прав человека и поддержке уважения достоинства человека» и предоставил ее резюме в Совет ООН по правам человека накануне 24-й сессии [UNHRC Advisory Committee, 2012].

Несколько государств, в том числе Беларусь, Индонезия и Узбекистан, а также Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ подготовили доклады о видах оптимальной практики[1]. Тем не менее многие доклады фокусировались на проблематичной природе самой концепции «традиционных ценностей» как в теории, так и на практике.

Критика сосредоточилась на двух основных моментах. Во-первых, как говорится в докладе Европейского союза (ЕС), создание связи между традиционными ценностями и устоявшимися кодифицированными нормами прав человека «может привести к вводящей в заблуждение интерпретации существующих норм прав человека и подорвать их универсальность» [EU, 2013]. Во-вторых, несмотря на риторические реверансы в сторону Всеобщей декларации прав человека в начале всех трех резолюций, на практике

> «традиционные ценности, особенно имеющие отношение к гендеру, сексуальной ориентации, гендерной идентичности, возрасту и ограниченным возможностям (инвалидности), на протяжении истории обычно приводили к маргинализации — и порой лишению голоса — множества индивидов и групп» [EU, 2013].

Важность этой оценки была ярко отмечена в докладе российской ЛГБТ-сети, которую открывало прямолинейное высказывание о последствиях возглавляемой Россией инициативой введения «традиционных ценностей» в сферу прав человека.

> «Традиционные ценности в России — это не просто дискурс. Это часть политической и социальной реальности. Использование риторики традиционных ценностей служит оправданием подавления инакомыслия и введения жестких ограничений для ЛГБТ-сообщества. Альянс ультранационалистов, консерваторов, православных и протестантских фундаменталистов стремится к введению идеологической монополии» [Russian LGBT Network, 2012].

Иными словами, помимо ведения кампании по признанию традиционных ценностей в Совете ООН по правам человека Россия агрессивно применяет их на практике на домашнем фронте. Возникновение так называемых антигей-законов, или «законов против

1 Полный список доступен по адресу http://www.ohchr.org/EN/Issues/Pages/TraditionalValues.aspx

пропаганды гомосексуализма», — одно из наиболее ярких проявлений данной тенденции, четко иллюстрирующее серьезность вызова, который «традиционные ценности» бросают международным нормам в области прав человека.

В следующем разделе статьи рассматривается история разработки этих законов. Это поможет проанализировать, каким образом политическая гомофобия стала центральным элементом националистического и популистского режима морального регулирования, который я называю моральным суверенитетом. Затем я обращусь к логике морального суверенитета, на которой основывается поддержка традиционных ценностей в России. Моральный суверенитет, как мне кажется, представляет собой прямое опровержение существующих норм в области прав человека, в особенности фундаментального права на отсутствие дискриминации, основанного на «логике полной и равноправной человечности» [Donnelly, 2003, p. 228]. Напротив, в рамках морального суверенитета утверждается, что права человека зависимы от соблюдения, в особенности в публичных пространствах, местных традиционных ценностей, которые, как предполагается, представляют собой ценности, разделяемые большинством. В рамках логики морального суверенитета попытки борьбы с российскими антигей-законами скорее всего не достигнут своей цели, так как они выглядят как свидетельство западного культурного империализма, как опасное моральное вероломство, как нечто недемократичное и лицемерное. Противникам закона приходится разрабатывать стратегии, которые не только поддерживают существующие нормы в области прав человека, но и встраиваются в локальный дебат о значении и важности «традиционных ценностей», несмотря на недружелюбную социо-политическую среду, о чем речь пойдет в предпоследнем разделе статьи.

В заключение я размышляю о том, какими последствиями угрожают «традиционные ценности» существующим международным нормам в области прав человека и их защите. Возглавляемая Россией повестка традиционных ценностей, продвигаемая в Совете ООН по правам человека и претворяемая в жизнь на домашнем фронте, по двум причинам бросает серьезный вызов вескости требований в области прав человека, основанных на идентичности.

Во-первых, логика, подкрепляющая «традиционные ценности», выявляет гомонормативную природу мейнстримного активизма за права ЛГБТ [Duggan, 2003], стремящегося нормализовать ЛГБТ-людей, но в процессе превратившегося в часть режима морального регулирования, контролирующего ЛГБТ-идентичности и различающего «хороших геев» и «плохих квиров» [Warner, 1999]. Выявление этой динамики раскрывает неуниверсальность требований о пра-

вах ЛГБТ, основанных на идентичности, которая грозит подорвать сам принцип универсальности прав человека.

Во-вторых, что, быть может, еще более важно, российские антигей-законы в рамках логики морального суверенитета предоставили практическое решение конфликта универсальных прав человека и локальных ценностей. Принципы равенства и недискриминации, таким образом, подменяются релятивистской моральной кондициональностью, представляющей собой прецедент для отказа от признания фундаментальных прав человека или групп, которые не соответствуют преобладающим моральным ценностям и государственным интересам. Это еще более подрывает международные нормы.

Законы против пропаганды гомосексуализма: «традиционные ценности» на практике

Законы против пропаганды гомосексуализма, нередко нарекаемые «гомофобными законами» в СМИ, представляют собою серию законов, принятых в России изначально на региональном уровне, а затем на федеральном для предотвращения «пропагандирования» негетеросексуальности и/или гендерной вариативности среди несовершеннолетних. Первый закон о «пропаганде гомосексуализма» был принят в мае 2006 г. Рязанской областной думой в качестве поправки к Закону «Об административных правонарушениях» в статье 3.10 «Публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних»[1].

Нарушение каралось штрафами в размере полутора-двух тысяч рублей. Принятие закона получило некоторую степень международной огласки в апреле 2009 г., когда ЛГБТ-активисты Ирина Федотова и Николай Баев были арестованы и оштрафованы в Рязани за демонстрацию плакатов с лозунгами «Гомосексуальность — это нормально» и «Я горжусь своей гомосексуальностью. Спроси меня об этом»» [Interfax, 2009]. Тем не менее, хотя примеру Рязани последовали Архангельская и Костромская области, лишь в 2012 г. законодательство против «пропаганды гомосексуализма» стало по-настоящему набирать обороты в России.

В марте 2012 г. Законодательное собрание Петербурга, невзирая на международные протесты, приняло закон, запрещающий «публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершен-

1 Статья 3.10 доступна по адресу http://docs.cntd.ru/document/819077396.

нолетних» [Elder, 2012]. Это событие стало катализатором, который перевел тему «пропаганды гомосексуализма» с регионального на общенациональный уровень. Впоследствии еще семь региональных и муниципальных законодательных органов приняли подобные законы[1]. 11 июня 2013 г., несмотря на международное порицание и острое сопротивление местных активистов и их сторонников, принят федеральный закон, запрещающий «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» [135-ФЗ, 2013].

Проблематично то, что ни один из законов не содержит четкого определения гомосексуальной «пропаганды». Сторонники федерального закона, например Елена Мизулина, старались провести четкую границу между «информацией» и «пропагандой» и неоднократно отмечали, что закон запрещает только «действия, направленные на популяризацию нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», а не проведение гей-парада (если в нем не участвуют дети и он проводится в месте, куда у детей нет доступа), однополые отношения или даже распространение «нейтральной» информации о нетрадиционных сексуальных отношениях [РИА Новости, 2013]. На практике, однако, любое публичное представление нетрадиционных сексуальных отношений без откровенно негативной окраски может быть принято за «гомопропаганду». Об этом свидетельствуют задержания активистов за лозунги «Гомосексуальность — не извращение. Извращение — это хоккей на траве или балет на льду»; «Гей-пропаганды не существует, геями не становятся, геями рождаются»; «Гомосексуальность — это нормально. Это должны знать взрослые и дети» и «Быть геем и любить геев нормально. Избивать и убивать геев — уголовное преступление» [Dolgov, 2013; Ring, 2013]. Более того, как отметила Венецианская комиссия, есть массив «конфликтующих между собой решений о применении положений законов о “гомосексуальной пропаганде” в разных регионах», когда один и тот же слоган рассматривался как приемлемый в одном случае и как пропаганда в другом [Venice Commission, 2013].

Основанием для принятия данных законов является защита здоровья, а также духовного и морального развития молодежи, которые, как утверждается, могут пострадать от воздействия нерегулируемой информации о сексуальном и гендерном многообразии. Помимо этого законы разработаны таким образом, чтобы «нетрадиционные» (то есть негетеросексуальные и негетеронорма-

1 Костромская, Магаданская, Новосибирская, Самарская области, Краснодарский край и Башкортостан приняли законы в 2012 г., а Калининградская область последовала их примеру в феврале 2013 г.

тивные) сексуальные отношения воспринимались как социально неполноценные [Venice Commission, 2013, p. 3], что отражает нарастающую активность государства в проведении пронаталистской и патерналистской политики поддержки «традиционных семейных ценностей» начиная с 2006 г. [Печерская, 2013, с. 94-96]. Таким образом, принятие и правоприменение законов против пропаганды гомосексуализма стало одной из ключевых черт повестки традиционных ценностей в России. Наряду с преследованием трех членов группы Pussy Riot за разжигание религиозной вражды [Fagan, 2012], кампанией по выявлению «иностранных агентов» среди неправительственных организаций [Human Rights Watch, 2013] и ограничениями в доступе к абортам, принятыми в 2012 г. [Erofeeva, 2013], эти законы стали одним из наиболее ощутимых проявлений нового формализованного режима национального морального регулирования, который Валерий Созаев называет «традиционалистским реваншизмом»; это ситуация, в которой «консервативные традиционалистские охранительные силы [...] превратились в ключевых политических акторов, пользующихся поддержкой и патронажем правительства, а их посыл превратился в посыл властей» [Sozayev, 2012, p. 7]. В случае России агрессивная политическая гомофобия недавно стала одним из главных аспектов ее реваншизма и эффективным инструментом продвижения «традиционных ценностей» как на домашнем фронте, так и на международной арене.

Хотя Созаев [Ibid, p. 14] пишет, что традиционалистский реваншизм уходит корнями в 1991 г., «традиционные ценности» как политический дискурс для домашней аудитории начал набирать обороты в 2006 г., после того, как президент Путин в Послании Федеральному собранию назвал демографический кризис в России ключевой угрозой национальной безопасности [Erofeeva, 2013, p. 1931]. Тем не менее значение слова «традиция» оставалось имплицитным до 2012 г., когда предвыборные статьи и речи Путина «напрямую связали возрождение “духовных скреп” российского общества с сохранением коллективной идентичности России» [Печерская, 2013, с. 96]. В результате поддержание «традиционных ценностей» превратилось в политизированный императив о спасении российской нации. Это предоставило Кремлю и его сторонникам «мощный рычаг для политической мобилизации» на домашнем фронте [Печерская, 2013, с. 96], который, будь то замысел или случайность, основан на концептуальном и политическом фундаменте, заложенном деятельностью России в Совете ООН по правам человека в 2009–2012 гг.

Развитие «традиционных ценностей» как концепции в широком смысле проходило параллельно возникновению законов про-

тив гей-пропаганды. Быть может, первым четким признаком того, что официальное отношение к гомосексуальности вновь становится менее толерантным, была попытка четырех думских депутатов внести в Уголовный кодекс поправки, вновь криминализующие мужеложство [O'Flynn, 2002]. Хотя законопроект провалился, и даже законотворцы сочли его вопиюще популистским, среди чиновников продолжала нарастать враждебность по отношению к очевидной нормализации гомосексуальности.

Активная оппозиция стала очевидна после 2006 г.: сюда относится как гомофобный закон, принятый в Рязанской области, так и отказ в проведении гей-парада в Москве на основании сохранения общественного порядка, предотвращения беспорядков, а также защиты здоровья, морали, прав и свобод окружающих [Johnson, 2011, p. 579]. Отказ не был неожиданностью, учитывая предшествующие ему высказывания мэра Москвы Юрия Лужкова о том, что он считает гомосексуальность противоестественной и не позволит провести парад, пока является мэром столицы [Интерфакс, 2006a, 2006b]. Местные и зарубежные активисты тем не менее попытались провести первый московский гей-парад 28 мая 2006 г. Событие было отмечено столкновениями между участниками и противниками проведения мероприятия — православными христианами, скинхедами и ультранационалистами. В целом произошло около 120 арестов [Finn, 2006]. Лужков действительно продолжил отклонять заявки на проведение дальнейших парадов, а в 2012 г. Мосгордума и вовсе наложила на них запрет на 100 последующих лет [BBC News, 2012]. Местные ЛГБТ-активисты продолжили ежегодно проводить несанкционированные парады, сопровождавшиеся столкновениями со сторонниками Русской православной церкви, а также с полицией с такой регулярностью, что ЛГБТ-активистка и журналистка Маша Гессен назвала гей-парад «Московским ритуалом взбучки геев» [Gessen, 2013].

При такой мизансцене, а также давней традиции регулирования гомосексуального поведения в России, уходящей корнями в эпоху Ивана Грозного [Kondakov, 2013a, p. 405][1], поддержка антигей-законов Кремлем кажется совершенно логичной. Во-первых, они не только пользуются широкой общественной поддержкой — 68% в ноябре 2013 г. [Гликин, 2013], — но и увеличивают лояльность церкви путинскому режиму, которая до начала 2012 г. не была однозначно гарантирована, несмотря на обратное впечатление [Fagan, 2013].

1 Кондаков отмечает, что при Иване Грозном запрет на гомосексуальные отношения распространялся только на духовенство. Через 164 года Петр Первый криминализовал сексуальные отношения между мужчинами в армии.

Во-вторых, антигей-законы операционализировали «традиционные ценности», предоставив практики для подкрепления риторики, превратив гомофобию в удобную замену «традиционных ценностей». Она основывается на стимулируемой моральной панике по поводу гомосексуальности как источнике деградации общества, нашедшей благодатную почву в беспокойстве российского населения по поводу будущего в условиях демографического кризиса, нестабильных жизненных стандартов, а также потери Россией международного статуса после окончания холодной войны. В рамках данного нарратива нормализация гомосексуальности предстает как антитезис традиционных ценностей России как православной христианской и незападной цивилизации.

Гомофобия, таким образом, функционирует как упрощенный славянофильский путь к национальной идентичности и традиционным ценностям. Этот дискурс нередко фигурирует в речах сторонников принятия антигей-законов, объясняющих необходимость введения антигей-законодательства. Инициатор петербургского закона Виталий Милонов, например, объяснял в интервью, что выступает против проведения гей-парадов, так как он «православный христианин и демонстрация греха мужеложства [ему]... отвратительна». Необходимость защиты российских детей от развращенных гомосексуалов он сопроводил рассказом о том, как видел берлинские «фотографии, на которых со всякими искусственными членами бегают полуголые мужики» [Chernov, 2012]. Чтобы убедить в праведности своих намерений и тех, кого подобная картина публичного дебоширства не впечатлит, Милонов объяснил критику из-за рубежа тем, что гей-лобби просочилось в ООН и Европейский совет, добавив, что «это проблема Европы; почему мы должны копировать европейские законы? Не все, что у них в Европе, подходит России» [Chernov, 2012][1]. Имплицитный посыл ясен: чтобы быть настоящим русским, следует быть православным христианином и противником гомосексуальности.

Такая репрезентация проблемы очень хорошо выполняет на домашнем фронте функцию популистского национального строительства и полностью соответствует описанию традиционных семейных ценностей, приведенному в «Государственной концепции семейной политики до 2025 г.»[2]. Однако она игнорирует тот факт, что

1 Эта цитата — перевод из англоязычного источника (http://actup.org/news/russia-the-sin-of-sodom-is-repellent-to-me-says-gay-propaganda-backer-vows-to-catch-madonna/). Русскоязычный оригинал установить не удалось. — *Прим. перев.*

2 Разработку концепции возглавляла Елена Мизулина, одна из основных инициаторов принятия федерального закона против пропаганды нетради-

Россия ратифицировала не только Всеобщую декларацию прав человека, но и Европейскую конвенцию по правам человека (ЕКПЧ). Ратификация последней особенно актуальна в связи с правами ЛГБТ-сообщества, так как Европейский суд по правам человека вынес решение, что сексуальная ориентация защищена статьей 8 ЕКПЧ (право на личную и семейную жизнь, дом и переписку) и включена в список запрещенного к дискриминации статьи 14 [Venice Commission, 2013, p. 12]. Как считают в Совете ООН по правам человека, Кремль видит решение этой проблемы в заявлениях о моральном суверенитете и локальной интерпретации международных норм в области прав человека с помощью дискурса о традиционных ценностях.

Моральный суверенитет и запрет греха, а не грешников

Я использую термин «моральный суверенитет», чтобы описать идею, согласно которой у государств есть право определять и активно внедрять на практике моральные стандарты общества или же традиционные ценности, и это право превалирует над международными нормами и обязательствами[1]. В случае России основным источником таких норм считается православное христианство. С начала своего третьего срока Путин мастерски пользовался своим альянсом с Русской православной церковью, дабы укрепить лояльность церкви и извлечь выгоду из ее статуса основного морального авторитета в стране [Jarzynska, 2012; Pomerantsev, 2012]. Путин без обиняков заявлял, что, по его мнению, задача государства заключается в том, чтобы защищать и поддерживать традиционные ценности и связанные с ними институты (Русскую православную церковь и семью) во имя выживания нации-государства. Выступая в Валдайском дискуссионном клубе 19 сентября 2013 г., Путин [President of Russia, 2013] предупредил об опасностях игнорирования традиционных ценностей и подчеркнул острую необходимость их сохранения.

ционных сексуальных отношений, который она продвигала, будучи председательницей Комитета ГД по вопросам семьи, женщин и детей (http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html).

1 Я не первая, кто использует концепцию «морального суверенитета», и мое определение может не совпадать с определениями других ученых в иных контекстах. Мое видение в целом совпадает с использованием концепции Гилле [Gille, 2011] для описания стремления государства к способности решить этические проблемы так, чтобы решение удовлетворило население и не подорвало легитимность государства и национальную идентичность.

> «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника — нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису. Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству. А сегодня практически все развитые страны уже не могут воспроизводить себя, причем даже с помощью миграции. Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение».

Мы видим попытки тем или иным способом реанимировать однополярную унифицированную модель мира, размыть институт международного права и национального суверенитета. Такому однополярному, унифицированному миру не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы. В историческом смысле это отказ от своего лица, от данного богом, природой многообразия мира.

В послании Федеральному собранию в декабре 2013 г. Путин вновь выступил в схожем тоне, дополнительно отметив, что «разрушение традиционных ценностей [...] в корне антидемократично». Таким образом, он намекнул на лицемерие Запада, чья критика в адрес России якобы в корне антидемократична [Президент России, 2013а].

Логика морального суверенитета в заявлениях Путина — основание для поддержки Россией традиционных ценностей на международном уровне и легитимации морального регулирования общества государством на домашнем фронте. Этой логике глубоко присуща уверенность, что права большинства имеют преимущество перед правами групп меньшинств. Роль государства как суверена, таким образом, как объяснил Путин на пресс-конференции, заключается в защите граждан и ключевых институтов вроде Русской православной церкви «от достаточно агрессивного поведения

некоторых социальных групп, которые, на мой взгляд, не просто живут, как им хочется, а достаточно агрессивно навязывают свою точку зрения другим людям и в других странах» [Президент России, 2013b]. Такая защита, как можно догадаться, достигается следованием правильным (то есть определенным локально) традиционным ценностям.

Моральный суверенитет также позволяет России пересмотреть вопрос о том, что считается легитимным требованием соблюдения прав человека и таким образом бросить вызов современным международным нормам в области прав человека. С начала 1990-х ЛГБТ-активисты, требуя соблюдать права человека, все чаще ссылаются на идею, что сексуальная ориентация и гендерная идентичность — это врожденные характеристики личности наподобие этничности или расы. Такая стратегия оказывается успешной, особенно в Евросоюзе [Kollman and Waites, 2009; Swiebel, 2009]. Иными словами, гомосексуальность и гендерная вариативность — это то, «с чем ты родился», нечто естественное, являющееся частью идентичности, а не следствие увлечения «неестественными» сексуальными практиками. Тем не менее эта версия отвергается сторонниками введения законов против пропаганды гомосексуализма, которые наряду с большинством россиян воспринимают отклонения от гетеросексуальности либо как аморальность, либо как болезнь [Kondakov, 2013b]. В обоих случаях гомосексуальность неизменно рассматривается как опасное поведение, которое ставит под угрозу будущее России как нации. Об этом неоднократно говорила Елена Мизулина, председатель Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей, ссылаясь на необходимость борьбы с российским демографическим кризисом и свою веру в то, что возрождение традиционный семьи и традиционных ценностей — это «решение многих проблем нашего общества» [Queerussia, 2013].

В рамках логики морального суверенитета антигей-законы не только логически возможны, но и являются обязательством государства по защите общества. Более того, из-за сдвига фокуса с личного на коллективное и с идентичности — на поведение, оказывается возможным заявить, что права человека нарушены не были, как уже делали высокопоставленные должностные лица [RIA Novosti, 2013]. В конце концов во имя прав человека и национального благополучия запрещается грех, а не грешник, а ЛГБТ-люди в принципе продолжают пользоваться теми же правами, что гетеросексуальные и цисгендерные граждане, пока они не участвуют в публичном нарушении принятых в обществе норм.

Несмотря на то что концепция морального суверенитета предоставляет немало оправданий принятия таких законов, она тем не менее поставила Россию в ситуацию противостояния с обще-

принятыми международными нормами в области прав человека и идеей, что «права ЛГБТ — это права человека». Международное возмущение и порицание обостряются тем, что, по мнению многих, официальная гомофобия в России сопровождается волной гомофобного насилия. Помимо столкновений на гей-парадах и демонстрациях против федерального закона, в результате которых многие ЛГБТ были ранены, произошел ряд жестоких нападений на геев, в том числе ужасающее убийство Владислава Торнового в мае 2013 г., которое нередко сравнивали с убийством Мэтью Шепарда[1] [Cavaliere, 2013]. Также возникли ультраправые движения Оккупай-педофиляй и Оккупай-геронтофиляй, члены которых охотятся за подростками и мужчинами-геями, похищают их и издеваются над ними с целью «излечения», после чего ради устрашения других размещают видео издевательств онлайн [Luhn, 2013].

Чиновники отрицают, что законы против «пропаганды гомосексуализма» внесли вклад в повышение уровня враждебности и насилия по отношению к ЛГБТ. Мизулина заявляла, что не может нести ответственность за криминальное поведение некоторых граждан, которые выражают свое несогласие с этим феноменом, применяя насилие [Queerussia, 2013]. Тем не менее трудно не заметить взаимосвязи между официальной гомофобией и ростом насилия, цель которого заключается в контроле за уважением традиционных ценностей с помощью насилия и угроз. Столкнувшись с реальностью, в которой для многих гомофобия стала выражением традиционных ценностей, российские ЛГБТ-активисты все решительнее высказываются против традиционных ценностей в российском контексте, а также продолжают привлекать внимание к нарушению прав ЛГБТ и их сторонников.

Оспаривание «традиционных ценностей»: моральная политика и демократические ценности

Как отмечалось ранее, с начала 1990-х ЛГБТ-активисты применяли дискурс, основанный на идентичности, в попытках признать права ЛГБТ правами человека на основании принципа отсутствия дискриминации. Разнообразные стратегии достижения этой цели в разных странах отражают локальные контексты и следующие

1 Мэттью Шепард (Matthew Shepard) — гомосексуальный подросток, убитый гомофобами в 1998 г. в Колорадо. Его имя стало символом борьбы с преступлениями на почве ненависти против ЛГБТ. Резонанс, вызванный убийством Мэттью Шеппарда привел к тому, что в перечень преступлений на почве ненависти была добавлена гомосексуальность, как одно из оснований. — *Прим. ред.*

из них возможности и ограничения, в условиях которых действуют ЛГБТ-активисты. В своей работе, посвященной Восточной и Западной Европам, Хольцхакер определяет три модуса взаимодействия ЛГБТ-организаций гражданского общества с локальной политической средой: «политика моральности», «постепенные изменения», а также «политика огласки» (то есть «использование внешних стратегий для связи с более широкой публикой, инсайдерские стратегии по построению коалиций и лоббированию правительства на национальной арене, а также транснациональная деятельность на европейском и глобальном уровнях с целью достижения изменений» [Holzhacker, 2012, p. 25-26].

С середины 2000-х российские ЛГБТ-активисты и их сторонники активно занимаются международно-ориентированной «политикой огласки». Об этом свидетельствуют неоднократные попытки проведения гей-парадов начиная с 2006 г. и ряд дел против российских муниципальных и региональных властей в Европейском суде по правам человека [Johnson, 2011] и Совете ООН по правам человека [Quinn, 2013][1]. Этот подход соответствует представлению о диффузии норм, в рамках которого предполагается, что государства постепенно социализируются и начнут выстраивать свое поведение в соответствии с международными нормами [Risse, Sikkink, 1999]. В данном случае он означает признание российским правительством утверждения, что права ЛГБТ — это права человека, и последующее предоставление юридической поддержки ЛГБТ-людям в случаях их дискриминации. На практике, однако, эти попытки встретили серьезное сопротивление на внутреннем фронте. Например, федеральный закон против пропаганды «нетрадиционных сексуальных отношений» заставил активистов усилить попытки получения международной поддержки через прямые призывы о помощи, адресованные международному сообществу [Queer Nation, 2013; Signorile, 2013], а также проведение многочисленных, зачастую несанкционированных, демонстраций против антигей-законов, в ходе которых происходили задержания и ранения, лишь усилившие международное внимание к демонстрантам [Alekseyev, 2013].

1 Хольцхакер [Holzhacker, 2013, p. 23] утверждает, что такой модус взаимодействия возможен, «когда есть высокая степень публичной поддержки равенства и минимальная партийная или религиозная оппозиция целям движения». Тем не менее в российском случае этот подход функционировал несколько иначе, это была попытка локальных акторов воспользоваться международной поддержкой (особенно со стороны ЕС) и добиться введения внешних норм в России, несмотря на отсутствие публичной поддержки, которое постепенно превратилось в прямое противостояние.

Политика огласки остается наиболее видимой — и, с международной точки зрения, достойной освещения в СМИ — формой активизма против гомофобных законов. Тем не менее на внутреннем фронте борьба за признание прав ЛГБТ правами человека все чаще проходит в форме политики моральности. В условиях незначительного успеха международного давления ЛГБТ-активисты и их сторонники стараются публично оспорить заданное Кремлем значение традиционных ценностей, чтобы ослабить общественную поддержку антигей-законов и помочь сформироваться толерантности по отношению к ЛГБТ. В принципе такая стратегия должна быть действенной, ведь, как отмечает Печерская, в России сосуществуют различные интерпретации того, что такое «традиция» [Печерская, 2013, с. 98]. Тем не менее учитывая силу противостояния не только признанию наличия у ЛГБТ прав, но и любым прогрессивным движениям — например, Патриарх Кирилл назвал феминизм «очень опасным», — было бы наивным ожидать скорые результаты.

Одна из основных стратегий заключается в попытках «регуманизации» общественного восприятия ЛГБТ перед лицом их демонизации консервативными политиками и Русской православной церковью. Это непростая задача: по данным опроса, проведенного в 2012 г. фондом «Общественное мнение», 86% россиян уверены, что не знакомы ни с одним геем или лесбиянкой [ФОМ, 2012]. Более того, гомосексуальность нередко стоит в одном ряду с педофилией — в петербургском законе в одном предложении фигурировали гомосексуальность, трансгендерность и педофилия. Некоторые известные личности решили совершить каминг-аут, заявив, что они геи, лесбиянки или трансгендеры, с целью развеять представления о ненормальности ЛГБТ и повысить видимость сообщества. Одним из наиболее ярких случаев был каминг-аут телевизионного журналиста Антона Красовского во время эфира на кремлевском канале «КонтрТВ» в январе 2013 г. Он заявил: «я гей, и я такой же человек, как вы и как президент Путин», после чего был немедленно уволен [Sokolova, 2013]. Другие признались, что являются сторонниками ЛГБТ и их прав, несмотря на то что сами относятся к «традиционной» ориентации и/или состоят в традиционных отношениях. Несмотря на риск преследований, они устроили публичную акцию «Гетеросексуалы за равенство» в социальных сетях и на демонстрациях[1]. Либеральные СМИ продемонстрировали свое несогласие с законами против геев, выпустив материалы не только о вопросах

1 См. https://www.facebook.com/groups/378474945543273/, https://www.facebook.com/straights.for.equality и http://vk.com/straights for equality.

ЛГБТ, но и личные истории геев и лесбиянок[1], тем самым создав пространство для критики в адрес гомофобного законодательства и логики, на которой оно основано[2]. Помимо этого можно упомянуть проведение таких онлайн-проектов, как фото-кампания OutLoud «Я человек, а не пропаганда» [OutLoud, 2012].

Участники кампании также постарались продемонстрировать негативное влияние, оказываемое законом на людей, которых он стремится защитить, а именно детей. Внедрение законов против геев сделало невидимыми детей и подростков-лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и квир (ЛГБТК). Исследования в США показали, что ЛГБТК-молодежь особенно часто становится жертвами насилия [Berlan et al., 2010; Friedman et al., 2011]. Российское законодательство лишь усугубило маргинализацию и изоляцию соответствующей группы людей, ведь оно не только санкционировало их стигматизацию, но и создало риск преследований для взрослых, желающих оказать им поддержку. Онлайн-проект «Дети-404» (отсылка к сообщению о ненайденной веб-странице в интернет-браузере) в Фейсбуке и ВКонтакте предоставляет ЛГБТК-молодежи платформу, на которой можно поделиться своей историей, ощутить солидарность.

Это яркое опровержение для тех, кто верит, что запрет разговоров о так называемых нетрадиционных сексуальных отношениях, обеспечит гетеросексуальность молодых людей. Как сказал один из участников проекта, «Я существую, я не ошибка» [Дети-404, 2013]. Не только ЛГБТК-несовершеннолетние оказываются в России под гомофобным давлением. Дети ЛГБТК-родителей часто испытывают стресс из-за потенциальных негативных социальных последствий (риск гомофобного насилия и издевательств) в случае, если ориентация родителя или родителей станет достоянием общественности [Пашинский, 2013].

Эти стратегии усилили процесс дестигматизации ЛГБТ, развеивая популярные мифы о гомосексуальности и перемещая фокус на ЛГБТ как людей со своей историей, жизнью и любовью, а не тех, кого определяет лишь их сексуальное поведение. Говоря в целом, россиян просят признать, что «любовь побеждает ненависть» (заимствуя слоган из кампании Совета по правам человека)[3], и что именно это важнейшая традиционная ценность, нуждающаяся в защите и поддержке. Эта идея подчеркивалась созданием связи между принятием антигей-законов и более широким беспокойством

1 Спецвыпуск журнала «Афиша» за 2013 г.

2 Материалы телеканала «Дождь»: http://tvrain.ru/tag/890.

3 См. http://www.hrc.org/campaigns/Russias-anti-LGBT-Agenda.

о нарушении других фундаментальных свобод в России, а также об усилении авторитаризма под предлогом защиты традиционных ценностей. Как утверждает Греме Рейд [Reid, 2013] из Human Rights Watch:

> «[Традиционные ценности означают] запугивание неправительственных организаций, навешивание на них ярлыка "иностранный агент", подразумевая врагов государства. Это значит подавление политической оппозиции. Это создание препятствий для свободной прессы. Это втаптывание в землю прав мигрантов ради достижения политических целей».

Другие расширили данный аргумент и начали проводить параллели между кремлевской гомофобией и действиями Третьего рейха. Самой яркой акцией было появление на улицах Петербурга плакатов с цитатой Генриха Гиммлера, обвиняющих «тех, кто занимается гомосексуализмом», в демографическом кризисе в Германии. Под цитатой активисты написали вопрос: «Это вам ничего не напоминает?» [Росбалт, 2013]. Во-первых, эти плакаты провокационны в контексте истории Второй мировой войны. Во-вторых, такие сравнения имплицитно напоминают россиянам, что нежелание заступиться за права ЛГБТ в конечном итоге поставит под удар все население, ведь на практике законы против геев могут предоставить прецедент для отказа в гражданстве другим группам, если Кремль посчитает, что они не согласуются с кремлевской интерпретацией традиционных ценностей. На кону, таким образом, не только права ЛГБТ, но и политическое будущее российского общества, которое на данный момент мечется между нормами мирового сообщества и попытками укрепить российскую национальную идентичность. Многим людям, не только россиянам, традиционные ценности кажутся логичным и в высшей степени разумным компромиссным решением «столкновения культур», которое они испытывают. Но противники предостерегают, что убежище, предоставляемое традиционными ценностями, часто оказывается лишь временным, ведь универсальные права человека становятся одной из первых жертв зыбучих песков политического популизма, на которых зиждутся традиционные ценности.

Заключение: традиционные ценности и пределы прав человека

Наблюдение, что права человека лишь «относительно универсальны», не является чем-то новым [Donnelly, 2007], и напряжение, связанное с правами человека в контексте социокультурных норм,

заслуживает серьезного отношения. Тем не менее опыт ЛГБТК в России не является примером передовой практики в области применения традиционных ценностей для защиты и поддержки норм в области прав человека. Напротив, «традиционные ценности» используются для продвижения повестки, активно стремящейся к ограничению прав групп, которые не соответствуют этим ценностям в рамках того же патерналистского, пронаталистского режима морального регулирования, который ограничил доступ к абортам, «на практике превратив женские тела и жизни в инструмент государственных демографических амбиций» [Печерская, 2013, с. 103].

Введение законов против гомопропаганды в России в соответствии с логикой морального суверенитета является внутренне когерентным и необходимым. Более того, оно отражает давний российский скептицизм в отношении того, что современные дискурсы и нормы прав человека связаны, как утверждает Намли [Namli, 2012, p. 134], с «ожиданием, что права человека послужат рациональной парадигмой для морали», в то время как рационализм «тесно связан с западным либерализмом как доминантная культурная и идеологическая традиция». Напротив, в России дебаты о правах человека сконцентрированы на моральной ответственности личности, при этом игнорируется тот факт, что права человека зачастую используются для ограничения использования политической власти, и рассматривает требования о соблюдении прав человека как попытки отречения от моральной ответственности [Namli, 2012, p. 142-143]. Моральный суверенитет дает этому представлению о взаимоотношениях морали и прав человека эффективную платформу, опираясь на которую, можно бросать вызов современным нормам в области прав человека. Эта платформа поддерживается давним недовольством тем, что Запад доминирует в международной системе и насаждает культурно чуждые ценности в суверенных государствах.

Успех России в продвижении «традиционных ценностей» в Совете ООН по правам человека и в правоприменении законов против пропаганды гомосексуализма на внутреннем фронте, несмотря на значительное международное порицание, указывает на потенциальную силу повестки «традиционных ценностей» как угрозы продолжению признания прав ЛГБТ и концепции универсальных прав человека в более широком смысле. Что касается прав ЛГБТ, логика, на которой основаны российские законы против гей-пропаганды, указывает на пределы заявлений о правах человека, основанных на идентичности, а также ограничения ЛГБТ-дискурса, настаивающего на врожденном характере сексуальной ориентации. Этот дискурс активисты использовали с начала 1990-х, не раз с его помощью

эффективно достигая поставленных целей. По своему характеру он гомонормативен, то есть старается изобразить ЛГБТ-людей как обладателей «хорошей», «нормальной», «естественной» сексуальности [Rubin, 1984], стараясь подчеркнуть нормальность их жизни и любви, что ярко проявляется в дебатах об однополых браках [Zivi, 2013]. Вместо того, чтобы добиваться сексуального освобождения, мейнстримный ЛГБТ-активизм принял участие в моральной регуляции интимных практик и продвижении имиджа безопасного «хорошего гея», который состоит в стабильных любящих моногамных отношениях, у которого есть нормальная работа и обычные хобби, и чья сексуальная жизнь остается тайной и не становится достоянием общественности.

Подобная сопричастность к моральному регулированию в рамках движения за права ЛГБТ играет на руку таким неоднозначным явлениям, которые наблюдаются в современной России. Универсалистская формула «права ЛГБТ — это права человека» лишается своей силы, так как оказывается, что требования защиты прав человека, основанные на идентичности, зависят от наличия нежеланного и морально неполноценного «Другого», в нашем случае — негомонормативного квира. Концепция прав ЛГБТ начинает выглядеть релятивистской, а доступ к ним — зависящим от того, «правильный» ли вы гомосексуал или трансгендер.

В более широком смысле концепция «традиционных ценностей» грозит ограничить как охват, так и значение норм в области прав человека. Универсализм заменяется моральным релятивизмом и кондициональностью, а сексуальная ориентация и гендерная вариабельность открыто выносятся за пределы сферы норм прав человека как нечто вступающее в конфликт с моральными нормами и обязанностями личности по отношению к обществу. Будучи «обернутым» в логику морального суверенитета, понятие о «традиционных ценностях» как основании системы прав человека оказывается невероятно соблазнительным для стран, пытающихся примирить международные обязательства с домашней политической динамикой, особенно накануне Олимпийских игр в Сочи, когда открытая международная критика не вылилась в значительные протесты.

Именно эта предрасположенность к популизму и неспособность гомонормативного ЛГБТ-активизма к полноценной защите сексуального и гендерного разнообразия делает традиционные ценности настолько опасными как для современных международных норм в области прав человека, так и для самой концепции универсальных прав человека. Российские законы против «пропаганды гомосексуализма» представляют собой своевременное предостережение, как можно использовать традиционные ценности для ле-

гитимации режимов морального регулирования, в корне несовместимых с правами человека.

Благодарности

Предыдущая версия статьи была представлена в 2013 г. на ежегодной конвенции Ассоциации международных исследований (ISA) в Сан-Франциско. Автор благодарит Центр российских и евразийских исследований Университета Уппсалы, где была написана значительная часть этой статьи, за прием в качестве исследователя в декабре 2013 г., рецензентов — за ценные комментарии, а Кэтрин Бейкер — за помощь в редактуре. Также я хочу поблагодарить Анну Кадникову, Александра Кондакова и Евгения Шторна, без которых эта статья не была бы переведена на русский язык.

Библиография

OutLoud (2012) Фотоакция: я человек, а не пропаганда. (http://outloudmag.eu/events/ite m/24-fotoaktsiya-ya-chelovek-a-ne-propaganda)

Афиша (2013) «Я могу встать и сказать: так больше не будет». 27 историй из жизни российских геев. (http://gorod.afisha.ru/archive/gay-issue/)

Дети-404 (2013) Я есть, я не ошибка. Я не боюсь. (http://www.facebook.com/photo .php?fbid=689286511134390&set=a.510380252358351.1073741829.510318015697908&type=1)

ФОМ (2012) *Об отношении к сексуальным меньшинствам и их правах.* (http://fom.ru/obshchestvo/10404)

Гликин М. (2013) Репрессивные законы не вызывают у россиян возмущения. *Ведомости* (http://www.vedomosti.ru/politics/news/19150331/grazhdane-rady-zapretam)

Интерфакс (2006a) *Лужков назвал недопустимым гей-парад в Москве, несмотря на разрешение таких шествий мэрами Парижа и Берлина* (http://www.interfax-re ligion.ru/?act=news&div=9728)

Интерфакс (2006b) *Лужков заявляет, что пока он мэр, гей-парада не будет.* (http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=11727)

Пашинский Д. (2013) «Здравствуйте, я — сын лесбиянки». *Colta.* (http://www.colta. ru/articles/society/1560)

Печерская Н. (2013) Перспективы российской семейной политики: принуждение к традиции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 69 (4): 94–105.

Президент России. (2013a) *Послание Президента Федеральному собранию* (http: // kremlin.ru/news/19825#sel=151:1,151:92)

Президент России (2013b) *Пресс-конференция Владимира Путина.* (http://kremlin.ru/news/19859#sel=134:1,134:54)

РИА Новости (2013) *Закон о запрете пропаганды гомосексуализма: аспекты и трактовка.* (http://ria.ru/infografika/20130709/948546631.html)

Росбалт (2013) *Петербургские активисты сравнили политику Госдумы со взглядами рейхсфюрера СС* (фото) (http://www.rosbalt.ru/piter/2013/08/09/116252 5.html)

135-ФЗ (2013) Федеральный Закон Российской Федерации. (http://www.rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html)

Alekseyev N. (2013) Fighting the gay fight in Russia: How gay propaganda laws actually only help. *RT.* (http://rt.com/op-edge/russia-gay-rights-sochi-945/)

BBC News (2012) *Gay parades banned in Moscow for 100 years.* (http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-19293465)

Berlan E.D., Corliss H.L., Field A.E., Goodman E., Austin S.B. (2010) Sexual orientation and bullying among adolescents in the growing up today study. *Journal of Adolescent Health*, 46 (4): 366–371.

Cavaliere V. (2013) Murdered because he was gay — Is this Russia's Matthew Shepard? *Vocativ.* (http://www.vocativ.com/05-2013/brutal-anti-gay-murder-in-russia-shines-spot light-on-homophobia/)

Chernov S. (2012) Milonov: "The Sin of Sodom Is Repellent To Me". *The St. Petersburg Times*. (http://www.times.spb.ru/story/35381)

Dolgov A. (2013) LGBT activist fined for breaking "Gay Propaganda" law. *The Moscow Times*. (http://www.themoscowtimes.com/news/article/lgbt-activist-fined-for-breaking-gay-propaganda-law/490844.html#ixzz2nqB3xYU1)

Donnelly J. (2003) *Universal Human Rights in Theory & Practice, 2nd ed.,* London: Cornell University Press.

Donnelly J. (2007) The relative universality of human rights. *Human Rights Quarterly*, 29 (2): 281–306.

Duggan L. (2003) The new homonormativity: The sexual politics of neoliberalism. *Materializing Democracy*, R. Castronovo, D. Nelson (eds), Durham: Duke University Press.

Elder M. (2012) St Petersburg bans "homosexual propaganda." *The Guardian.* (http://www.theguardian.com/world/2012/mar/12/st-petersburg-bans-homosexual-propaganda)

Elder M. (2013) Feminism could destroy Russia, Russian Orthodox patriarch claims. *The Guardian*. (http://www.theguardian.com/world/2013/apr/09/feminism-destroy-rus sia-patriarch-kirill)

Erofeeva L. (2013) Traditional Christian values and women's reproductive rights in modern Russia Is a consensus ever possible? *American Journal of Public Health*, 103 (11): 1931–1935.

EU (2013) EU Permanent Delegation to The United Nations Office *Contribution of the European Union: Traditional values.* (http://www.ohchr.org/Documents/Issues/HRValues/EU.pdf)

Fagan G. (2012) Russia: Pussy Riot, blasphemy, and freedom of religion or belief. *International Journal of Civil Society Law*, X (4): 3–8.

Fagan G. (2013) Russia's spinning moral compass. *OpenDemocracy.* (http://www.opendemocracy.net/od-russia/geraldine-fagan/russia's-spinning-moral-compass)

Finn P. (2006) Moscow's first Gay Pride Parade disrupted by police and hecklers. *The Washington Post.* (http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/05/27/ AR20060 52701002.html)

Friedman M.S., Marshal M.P., Guadamuz T.E., Wei C., Wong C.F., Saewyc E.M., Stall R. (2011) A meta-analysis of disparities in childhood sexual abuse, parental physical abuse, and peer victimization among sexual minority and sexual nonminority individuals. *American Journal of Public Health*, 101 (8): 1481–1494.

Gessen M. (2013) Moscow's gay-bashing ritual. *The New York Times.* (http://latitude.blogs.nytimes.com/2013/05/27/moscows-gay-bashing-ritual/)

Gille Z. (2011) The Hungarian Foie Gras boycott: Struggles for moral sovereignty in post-socialist Europe. *East European Politics & Societies*, 25 (1): 114–128.

Holzhacker R. (2012) National and transnational strategies of LGBT civil society organizations in different political environments: Modes of interaction in Western and Eastern Europe for equality. *Comparative European Politics*, 10 (1): 23–47.

Human Rights Watch (2013) *Russia: "Foreign agents" law hits hundreds of NGOs: Updated November 29, 2013.* (http://www.hrw.org/news/2013/11/29/russia-foreign-age nts-law-hits-hund reds-ngos-updated-november-29-2013)

Interfax (2009) *Ryazan court finds gay activists guilty of popularizing homosexuality.* (http://www.interfax-religion.com/?act=news&div=5890)

Jarzynska K. (2012) *The scandal over the Patriarch Kirill*. (http://www.osw.waw.pl/en / publikacje/analyses/2012-04-04/scandal-over-patriarch-kirill)

Johnson P. (2011) Homosexuality, freedom of assembly and the margin of appreciation doctrine of the European Court of Human Rights: Alekseyev v Russia. *Human Rights Law Review*, 11 (3): 578–593.

Kollman K., Waites M. (2009) The global politics of lesbian, gay, bisexual and transgender human rights: an introduction. *Contemporary Politics*, 15 (1): 1–17.

Kondakov A. (2013a) Resisting the silence: The use of tolerance and equality arguments by gay and lesbian activist groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403–424.

Kondakov A. (2013b) Do Russians give a damn about homosexuality? *OpenDemocracy.* (http://www.opendemocracy.net/od-russia/alexander-kondakov/do-ru ssia ns-give-damn-about-homosexuality)

Luhn A. (2013) Russian anti-gay law prompts rise in homophobic violence. *The Guardian.* (http://www.theguardian.com/world/2013/sep/01/russia-rise-homophobic-violence)

Namli E. (2012) Powerful rationality or rationality of power? Reflections on Russian scepticism towards human rights. in *Power and Legitimacy — Challenges from Russia*, Per-Arne Bodin, Stefan Hedlund, Elena Namli (eds), Hoboken, NJ: Taylor and Francis.

O'Flynn K. (2002) Deputies want to outlaw homosexuality. *The St Petersburg Times*. (http://www.sptimesrussia.com/index.php?action_id=2&story_id=7064)

Pomerantsev P. (2012) Putin's God squad: The Orthodox Church and Russian politics. *Newsweek*.: (http://www.newsweek.com/putins-god-squad-orthodox-church-and-russia n-politics-64649)

President of Russia (2013) Meeting of the Valdai International Discussion Club. (http:// eng.kremlin.ru/news/6007#sel=21:25,25:76)

Queer Nation (2013) *Russian LGBT activists and supporters call for boycott of Russian products and Winter Olympics*. (http://web.archive.org/web/20130907042704/, http://americablog.com/wp-content/uploads/2013/07/russian-lgbt-activist-boycott-1.jpg)

Queerussia (2013) *Deputy Mizulina to Russian gay teenager: I defend majority values and demographics, not responsible for crimes*. (http://queerussia.info/2013/1 2/19/3220/)

Quinn A. (2013) Gay activist wins court appeal, dealing "severe blow" to anti-gay law. *The Moscow Times.* (http://www.themoscowtimes.com/news/article/gay-activist-wins-court-appeal-dealing-severe-blow-to-anti-gay-law/487014.html#ixz z2nkjD-foUU)

Reid G. (2013) Dispatches: Putin's twisted take on tradition. *Human Rights Watch* (http://www.hrw.org/news/2013/12/13/dispatches-putin-s-twisted-take-tradition)

RIA Novosti (2013) *Moscow dismisses Western criticism of gay propaganda law.* (http://en.ria.ru/russia/20130807/182636254.html)

Ring T. (2013) Third Russian convicted under "gay propaganda" law. *The Advocate*. (http://www.advocate.com/news/world-news/2013/12/20/third-russian-convicted-unde r-gay-propaganda-law)

Risse T., Sikkink K. (1999) The socialization of international human rights norms into domestic practices: Introduction. *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change*, Thomas Risse, Stephen C. Ropp, Kathryn Sikkink (eds), Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Rubin G. (1984) Thinking sex: Notes for a radical theory of the politics of sexuality. Carole Vance (ed.) *Pleasure and Danger*, New York, NY: Routledge.

Russian LGBT Network. (2012) "*Best Practice" of Using the Concept of "Traditional Values" in Russia.* (http://www.ohchr.org/Documents/Issues/HRValues/RussianLGBTNetwork.pdf)

Signorile M. (2013) Russian gay activist's plea: "Get us the hell out of here". *The Huffington Post.* (http://www.huffingtonpost.com/michelangelo-signorile/russian-gay-activists-plea-get-us-the-hell-out-of-here_b_3881059.html)

Sokolova K. (2013) Anton Krasovsky: I'm gay, and I'm a human being just like President Putin. *Snob*. (http://www.snob.ru/selected/entry/57286)

Sozayev V. (2012) Russia in the 21st century: A culture war caused by traditionalist revanchism. *The Situation Of Lesbian, Gay, Bisexual And Transgender People in The Russian Federation,* Moscow: Helsinki Group. (http://www.civilrightsdefenders.org/files/Russian-Federation-LGBT-situation.pdf)

Swiebel J. (2009) Lesbian, gay, bisexual and transgender human rights: The search for an international strategy. *Contemporary Politics*, 15 (1): 19–35.

UNHRC (2009) *United Nations Human Rights Council Resolution 12/21: Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind.* (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G09/167/24/ PDF/G0916724.pdf)

UNHRC (2010) *United Nations Human Rights Council Workshop on Traditional Values of Humankind: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights.* (http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37.pdf)

UNHRC (2011) *United Nations Human Rights Council Resolution 16/3: Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind.* (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G11/124/92/PDF/G1112492.pdf)

UNHRC Advisory Committee (2011) *Preliminary Study on Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind* (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/173/22/PDF/G1117322.pdf?OpenElement)

UNHRC Advisory Committee (2012) *Study of the Human Rights Council Advisory Committee on Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms Through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind.* (http://www.ohchr.org/Documents/ HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session22/AHRC2271 English.PDF)

Venice Comission (2013) *Opinion on the Issue of the Prohibition of the So-Called "Propaganda of Homosexuality" in the Light of recent Legislation in Some Member States of the Council of Europe.* CDL-AD (2013)022 (http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282013%29022-e)

Warner M. (1999) Normal and normaller: Beyond gay marriage. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 5 (2): 119–171.

Zivi K. (2014) Performing the nation: Contesting same-sex marriage rights in the United States. *Journal of Human Rights*, 13 (3): 290–306.

References

Afisha (2013) "Ya mogu vstat i skazat: tak bolshe ne budet". 27 istorii iz zhizni rossiiskikh geev ["I can stand up and say: It won't be this way anymore". 27 stories from the lives of gay Russians]. (http://gorod.afisha.ru/archive/gay-issue/)

Alekseyev N. (2013) Fighting the gay fight in Russia: How gay propaganda laws actually only help. *RT.* (http://rt.com/op-edge/russia-gay-rights-sochi-945/)

BBC News (2012) *Gay parades banned in Moscow for 100 years.* (http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-19293465)

Berlan E.D., Corliss H.L., Field A.E., Goodman E., Austin S.B. (2010) Sexual orientation and bullying among adolescents in the growing up today study. *Journal of Adolescent Health*, 46 (4): 366–371.

Cavaliere V. (2013) Murdered because he was gay — Is this Russia's Matthew Shepard? *Vocativ.* (http://www.vocativ.com/05-2013/brutal-anti-gay-murder-in-russia-shines-spot light-on-homophobia/)

Chernov S. (2012) Milonov: "The Sin of Sodom Is Repellent To Me". *The St. Petersburg Times*. (http://www.times.spb.ru/story/35381)

Deti-404 (2013) Ya est, ya ne oshibka. Ya ne boyus. [I exist. I'm not a fault. I'm not afraid] *Facebook.* (http://www.facebook.com/photo.php?fbid=689286511134390&set=a.51038025 2358351.1073741829.510318015697908&type=1)

Dolgov A. (2013) LGBT activist fined for breaking "Gay Propaganda" law. *The Moscow Times*. (http://www.themoscowtimes.com/news/article/lgbt-activist-fined-for-breaking-gay-propaga nda-law/490844.html#ixzz2nqB3xYU1)

Donnelly J. (2003) *Universal Human Rights in Theory & Practice, 2nd ed.,* London: Cornell University Press

Donnelly J. (2007) The relative universality of human rights. *Human Rights Quarterly*, 29 (2): 281–306.

Duggan L. (2003) The new homonormativity: The sexual politics of neoliberalism. *Materializing Democracy*, R. Castronovo, D. Nelson (eds), Durham: Duke University Press

Elder M. (2012) St Petersburg bans "homosexual propaganda." *The Guardian.* (http://www.theguardian.com/world/2012/mar/12/st-petersburg-bans-homosexual-propaganda)

Elder M. (2013) Feminism could destroy Russia, Russian Orthodox patriarch claims. *The Guardian*. (http://www.theguardian.com/world/2013/apr/09/feminism-destroy-rus sia-patriarch-kirill)

Erofeeva L. (2013) Traditional Christian values and women's reproductive rights in modern Russia Is a consensus ever possible? *American Journal of Public Health*, 103 (11): 1931–1935.

EU (2013) EU Permanent Delegation to The United Nations Office *Contribution of the European Union: Traditional values.* (http://www.ohchr.org/Documents/Issues/HRValues/EU.pdf)

Fagan G. (2012) Russia: Pussy Riot, blasphemy, and freedom of religion or belief. *International Journal of Civil Society Law*, X (4): 3–8.

Fagan G. (2013) Russia's spinning moral compass. *OpenDemocracy.* (http://www.opendemocracy.net/od-russia/geraldine-fagan/russia's-spinning-moral-compass)

Finn P. (2006) Moscow's first Gay Pride Parade disrupted by police and hecklers. *The Washington Post.* (http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/05/27/ AR20060 52701002.html)

FOM (2012) *Ob otnoshenii k sekualnym menshinstvam i ikh pravakh [On attitudes to sexual minorities and their rights].* (http://fom.ru/obshchestvo/10404)

Friedman M.S., Marshal M.P., Guadamuz T.E., Wei C., Wong C.F., Saewyc E.M., Stall R. (2011) A meta-analysis of disparities in childhood sexual abuse, parental physical abuse, and peer victimization among sexual minority and sexual nonminority individuals. *American Journal of Public Health*, 101 (8): 1481– 1494.

Gessen M. (2013) Moscow's gay-bashing ritual. *The New York Times.* (http://latitude.blogs. nytimes.com/2013/05/27/moscows-gay-bashing-ritual/)

Gille Z. (2011) The Hungarian Foie Gras boycott: Struggles for moral sovereignty in post-socialist Europe. *East European Politics & Societies*, 25 (1): 114–128.

Glikin M. (2013) Repressivnye zakony ne vyzyvayut u rossiyan vozmusheniya [Repressive laws don't cause Russians concern]. *Vedemosti.* (http://www.vedomosti.ru/politics/news/191 50331/grazhdane-rady-zapretam)

Holzhacker R. (2012) National and transnational strategies of LGBT civil society organizations in different political environments: Modes of interaction in Western and Eastern Europe for equality. *Comparative European Politics*, 10 (1): 23–47.

Human Rigths Watch (2013) *Russia: "Foreign agents" law hits hundreds of NGOs: Updated November 29, 2013.* (http://www.hrw.org/news/2013/11/29/russia-foreign-agents-law-hits-hundreds-ngos-updated-november-29-2013)

Interfax (2006a) *Luzhkov nazval nedopustimym gej-parad v Moskve, nesmotrya na razreshenie takikh shestvij merami Parizha i Berlina* [*Luzhkov called unacceptable gay parade in Moscow despite the permission of such parades by the mayors of Paris and Berlin].* (http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=9728)

Interfax (2006b) *Luzhkov zayavlyaet, chto poka on mer, gej-parada ne budet [Luzhkov says that while he is mayor, there will not be a gay parade].* (http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=11727)

Interfax (2009) *Ryazan court finds gay activists guilty of popularizing homosexuality.* (http://www.interfax-religion.com/?act=news&div=5890)

Jarzynska K. (2012) *The scandal over the Patriarch Kirill*. (http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2012-04-04/scandal-over-patriarch-kirill)

Johnson P. (2011) Homosexuality, freedom of assembly and the margin of appreciation doctrine of the European Court of Human Rights: Alekseyev v Russia. *Human Rights Law Review*, 11 (3): 578–593.

Kollman K., Waites M. (2009) The global politics of lesbian, gay, bisexual and transgender human rights: an introduction. *Contemporary Politics*, 15 (1): 1–17.

Kondakov A. (2013a) Resisting the silence: The use of tolerance and equality arguments by gay and lesbian activist groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403–424.

Kondakov A. (2013b) Do Russians give a damn about homosexuality? *Open Democracy.* (http://www.opendemocracy.net/od-russia/alexander-kondakov/do-russians-give-damn-about-homosexuality)

Luhn A. (2013) Russian anti-gay law prompts rise in homophobic violence. *The Guardian*. (http://www.theguardian.com/world/2013/sep/01/russia-rise-homophobic-violence)

Namli E. (2012) Powerful rationality or rationality of power? Reflections on Russian scepticism towards human rights. in *Power and Legitimacy — Challenges from Russia*, Per-Arne Bodin, Stefan Hedlund, Elena Namli (eds), Hoboken, NJ: Taylor and Francis.

O'Flynn K. (2002) Deputies want to outlaw homosexuality. *The St Petersburg Time.* (http://www.sptimesrussia.com/index.php?action)

Outloud (2012) *Fotoaktsiya: ya chelovek, a ne propaganda [Photoaction. I'm a human being, not a propaganda].* (http://outloudmag.eu/events/item/24-fotoaktsiya-ya-chelovek-a-ne-propaganda)

Pashinskii D. (2013) "Zdravstvuyte, ya — syn lesbiyanki" ["Hello, I'm the son of a lesbian"]. *Colta*. (http://www.colta.ru/articles/society/1560)

Pecherskaya N. (2013) Perspektivy rossiiskoi semejnoi politiki: prinuzhdenie k traditsii [Prospects for Russian family policy: The drive towards tradition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 69 (4): 94-105.

Pomerantsev P. (2012) Putin's God squad: The Orthodox Church and Russian politics. *Newsweek*. (http://www.newsweek.com/putins-god-squad-orthodox-church-and-russian-poli tics-64649)

President of Russia (2013) Meeting of the Valdai International Discussion Club. (http://eng.kremlin.ru/news/6007#sel=21:25, 25:76)

President of Russia (2013a) *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu [The President's Address to the Federal Assembly].* (http://kremlin.ru/news/19825#sel=151:1,151:92)

President of Russia (2013b) *Press-konferentsiya Vladimira Putina [Press-Conference of Vladimir Putin].* (http://kremlin.ru/news/19859#sel=134:1,134:5 4)

Queer Nation (2013) *Russian LGBT activists and supporters call for boycott of Russian products and Winter Olympics*. (http://web.archive.org/web/20130907042704/http://americablog.com/wp-content/uploads/2013/07/russian-lgbt-activist-boycott-1.jpg)

Queerussia (2013) *Deputy Mizulina to Russian gay teenager: I defend majority values and demographics, not responsible for crimes*. (http://queerussia.info/2013/1 2/19/3220/)

Quinn A. (2013) Gay activist wins court appeal, dealing "severe blow" to anti-gay law. *The Moscow Times.* (http://www.themoscowtimes.com/news/article/gay-activist-wins-court-appeal-dealing-severe-blow-to-anti-gay-law/487014.html#ixz z2nkjDfoUU)

Reid G. (2013) Dispatches: Putin's twisted take on tradition. *Human Rights Watch* (http://www.hrw.org/news/2013/12/13/dispatches-putin-s-twisted-take-tra dition)

RIA Novosti (2013) *Moscow dismisses Western criticism of gay propaganda law.* (http://en.ria.ru/russia/20130807/182636254.html)

Ring T. (2013) Third Russian convicted under "gay propaganda" law. *The Advocate*. (http://www.advocate.com/news/world-news/2013/12/20/third-russian-convicted-unde r-gay-propaganda-law)

Risse T., Sikkink K. (1999) The socialization of international human rights norms into domestic practices: Introduction. *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change*, Thomas Risse, Stephen C. Ropp, Kathryn Sikkink (eds), Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Rosbalt (2013) *Piterburgskie aktivisty sravnili politiku Gosdumy so vzglyadami reikhfyurera SS (foto) [Petersburg activists compared State Duma policy with the views of the Furhrer].* (http://www.rosbalt.ru/piter/2013/08/09/1162525.html)

Rubin G. (1984) Thinking sex: Notes for a radical theory of the politics of sexuality. Carole Vance (ed.) *Pleasure and Danger*, New York, NY: Routledge.

Russian LGBT Network (2012) "*Best Practice" of Using the Concept of "Traditional Values" in Russia.* (http://www.ohchr.org/Documents/Issues/HRValues/RussianLGBTNetwork.pdf)

Signorile M. (2013) Russian gay activist's plea: "Get us the hell out of here." *The Huffington Post.* (http://www.huffingtonpost.com/michelangelo-signorile/russian-gay-activists-plea-get-us-the-hell-out-of-here_b_3881059.html)

Sokolova K. (2013) Anton Krasovsky: I'm gay, and I'm a human being just like President Putin. *Snob.* (http://www.snob.ru/selected/entry/57286)

Sozayev V. (2012) Russia in the 21st century: A culture war caused by traditionalist revanchism. *The Situation Of Lesbian, Gay, Bisexual And Transgender People in The Russian Federation,* Moscow: Helsinki Group. (http://www.civilrightsdefenders.org/files/Russian-Federation-LGBT-situation.pdf)

Swiebel J. (2009) Lesbian, gay, bisexual and transgender human rights: The search for an international strategy. *Contemporary Politics*, 15 (1): 19–35.

UNHRC (2009) *United Nations Human Rights Council Resolution 12/21: Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind.* (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G09/167/24/ PDF/G0916724.pdf)

UNHRC (2010) *United Nations Human Rights Council Workshop on Traditional Values of Humankind: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights.* (http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37.pdf)

UNHRC (2011) *United Nations Human Rights Council Resolution 16/3: Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind.* (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G11/124/92/PDF/G1112492.pdf)

UNHRC Advisory Committee (2011) *Preliminary Study on Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms Through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind* (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/173/22/PDF/G1117322.pdf?OpenElement)

UNHRC Advisory Committee (2012) *Study of the Human Rights Council Advisory Committee on Promoting Human Rights and Fundamental Freedoms Through a Better Understanding of Traditional Values of Humankind.* (http://www.ohchr.org/Documents/ HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session22/AHRC2271 English.PDF)

Venice Comission (2013) *Opinion on the Issue of the Prohibition of the So-Called "Propaganda of Homosexuality" in the Light of recent Legislation in Some Member States of the Council of Europe*. CDL-AD (2013) 022. (http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282013%29022-e)

Warner M. (1999) Normal and normaller: Beyond gay marriage. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 5 (2): 119–171.

Zivi K. (2014) Performing the nation: Contesting same-sex marriage rights in the United States. *Journal of Human Rights*, 13 (3): 290–306.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Уилкинсон К. (2018) «Традиционные ценности» на практике: возникновение и оспаривание законов о «пропаганде гомосексуализма» в России. *Социология власти*, 30 (1): 175-204.

Wilkinson C. (2018) Putting "Traditional Values" Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia. *Sociology of Power*, 30 (1): 175-204.

Поступил в редакцию: 20.01.2018; принят в печать: 25.02.2018